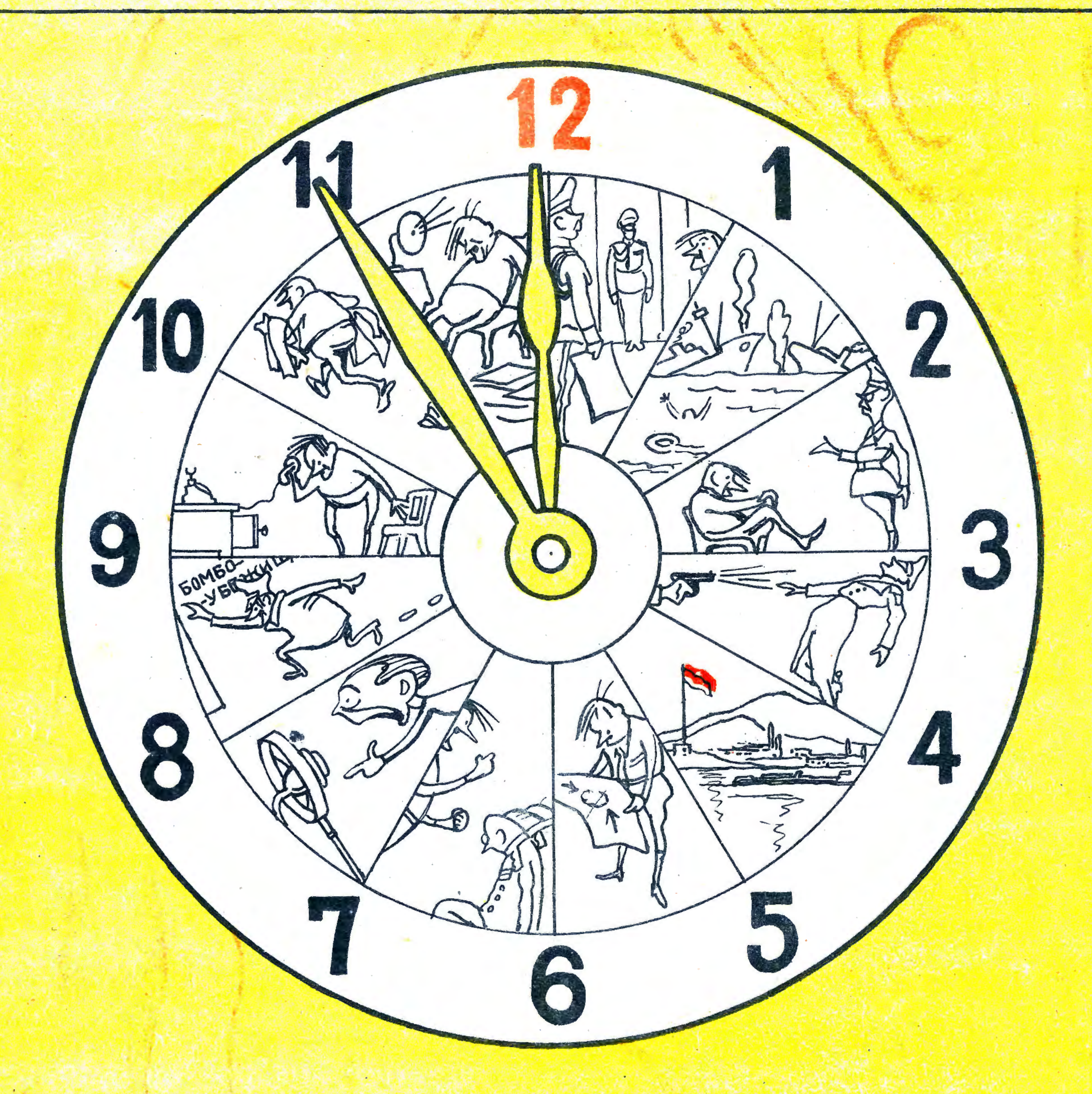
№ 18—19. МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

КРОКОДИЛ

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

От 12—1. Очередное сообщение о новом «сокращении». **От 1—2.** Ещё тоннаж вышел в тираж. **От 2—3.** Доклад об унынии по внутренней линии. **От 3—4.** Опять работа французского патриота. **От 4—5.** Судьба германских армий на крымском плацдарме. **От 5—6.** Потеря апетита из-за маршала Тито. От 6—7. С фронта удрало три генерала. От 7—8. Снижение тона у микрофона. **От 8—9.** Час визита эскадрилий «москито». **От 9—10.** Опять восток! Потерь итог. **От 10—11.** В подвал, ефрейтор! Летит «либерейтор»! **От 11—12.** Соображения о месте вторжения.

Рис. Л. Бродаты

БУРЕМЕТР

Рис. Кукрыниксы

— Какая предстоит погода?
— Ясно: буря!

В ДОРОГЕ

Автоматчик Павел Ситцев,
Парень смелый, с головой,
Вёл колонну пленных фрицев
По дороге фронтовой.
Километр за километром
Отмеряли на восток.
Только вдруг доносит ветром
Ядовитый шопоток.
Фриц в подобии мундира
Шепчет рвани остальной:
«Уничтожим конвоира
И немедленно — за мной!»
Автомат боец поправил,
Слышал он и не дремал.
По-немецки Ситцев Павел
Превосходно понимал.
«Хальт! — вскричал он.— Вот ворона
Оседлала провода...
Я её маленько трону,
Смирно! Все смотри сюда».
Побледнели фрицев лица.
Меткий выстрел был таков,
Что упала камнем птица
С телеграфных проводов.
А для немца страх — основа,
Присмирел мгновенно сброд.
И когда колонна снова
В дальний двинулась поход,
«Ну,— спросил с насмешкой Павел,—
Больше нет у фрицев тайн?»
Старший фриц мундир поправил
И ответил робко: «Найн».

Вл. ВАСИЛЕНКО

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ГАМБУРГ. Здесь состоялся научно-популярный диспут на тему: «Где жарче—под Ленинградом или в «Севастополе?» В оживлённых прениях приняли участие 17 немецких офицеров, которые единодушно отметили, что для немцев в обоих этих городах климат оказался одинаковым — весьма убийственным.

◆

БЕРЛИН. По инициативе Геббельса была организована экскурсия журналистов нейтральных стран в Италию для ознакомления с мощными укреплениями «линии Густава» и «линии Гитлера». По пути в Италию журналисты узнали из немецкой печати, что эти «линии» никогда не существовали, и поэтому вынуждены были вернуться в Берлин.

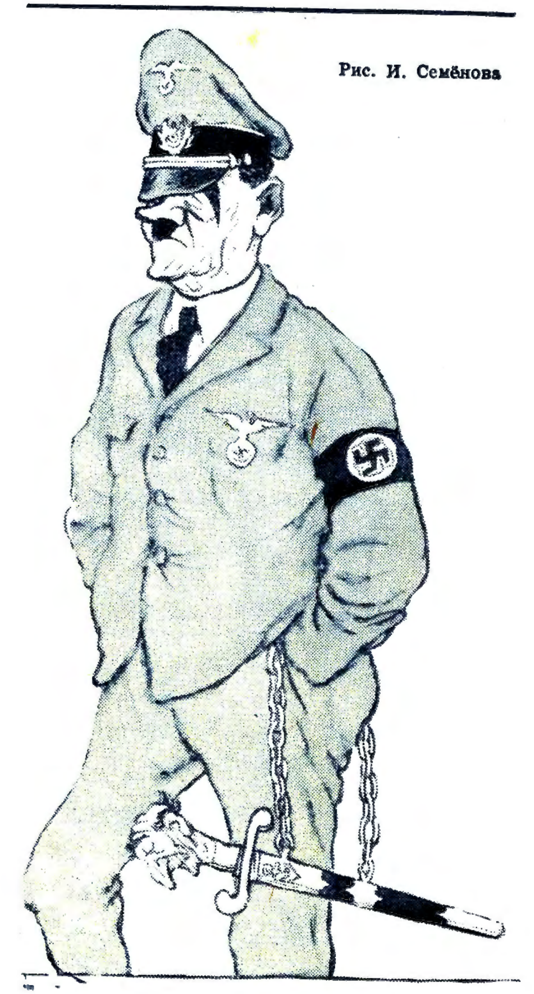
◆

СОФИЯ. За последние дни болгаро-германская дружба достигла наибольшего расцвета. Болгарское правительство по просьбе немцев усилило отправку своих войск в Югославию и Грецию. В свою очередь германское правительство усилило вывоз из Болгарии продовольствия.

◆

БЕРЛИН. Население Германии живо откликнулось на объявленный в стране сбор старой одежды: только в одном Берлине за вчерашний день задержано несколько сот немцев, роптавших против этого мероприятия. Кампания по сбору уклоняющихся немцев продолжается с тем же успехом.

Рис. И. Семёнова

Гитлер и его Хортик.

ГЕРМАНИЯ И КОМПАНИЯ

Невесело в Германии,
И в Венгрии уныние,
Расплаты ждут заранее
Финляндия, Румыния.

Фашистскую Германию
Ждёт скорая авария.
А с нею за компанию
На дно идёт Болгария.

За все дела разбойные,
Хищенья и грабительство
Возмездье ждёт достойное
Преступные правительства.
Но чтобы за компанию
Не гибнуть целым нациям,
Не лучше ль от Германии
Скорее оторваться им?
Прогнать поработителей —
Клыкастые дивизии,
Что всё у них похитили —
От чести до провизии!

С. МАРШАК

Облегчение...

— Вы дегенерат, вонючая сосиска, мерзавец и свинья, чорт бы вас побрал!

Так ласково и нежно встретил герр Шульц своего старого приятеля Миллера.

Герр Миллер страшно удивился этому неожиданному потоку изящной словесности.

— Шульц, что с вами?— вскричал он.— Вы рехнулись, что ли?

— Дорогой Миллер!— ответил Шульц, приятно улыбаясь.— Мы знаем друг друга не первый год. Разрешите крепко пожать вашу руку. Я уважаю вас всей душой. И дети мои воспитаны с малых лет в уважении к вам. Но прошу вас, не обижайтесь на меня, если я скажу, что вы осёл, старая калоша и...

— Остановитесь, Шульц! Что с вами?

— Я облегчаюсь.

— Не понимаю.

— Как? Вы разве не читали статью в газете «Берлинер берзен-цейтунг», в которой рекомендуется немцам облегчать свою душу посредством брани. Вот что там оказано: «Спокойно выругайтесь, когда дело идёт не так, как надо. Брань облегчает душу». Поэтому я и осмелился обратиться к вам с вышеприведёнными нелестными словами. Да, герр Миллер, вы порядочная скотина, хам и пёс!..

— Это уже слишком!

— А вы в свою очередь ругайте меня. Облегчайтесь, герр Миллер, прошу вас!

— Шульц, вы не дочитали этой статьи до конца. Там ведь сказано дальше, что ругать разрешается лишь самого себя. А вы накинулись на меня — это нельзя. Тем более что я хотя и мелкая шишка, но всё же как никак, а государственный чиновник. Пожалуйста, Шульц, облегчайтесь, но адресуйтесь только к самому себе.

— А вы... того-с... облегчаетесь?

— Само собой. Иначе не прожить.

— Научите. Поделитесь опытом.

— Я говорю с сердцем, со злостью: «Я старый дурак, олух, остолоп, безмозглый чурбан, что поверил этому, который с усиками, чорт бы меня побрал!»

— Чудесно! Прекрасно. Я старый дурак, олух, остолоп...

Приятели распрощались. Шульц шёл домой и всю дорогу твердил:

— Я скотина, баран, тряпка...

Подымаясь к себе по лестнице на третий этаж, он услыхал, как за дверью его соседка Марта Клотц голосила благим матом:

— Ах, я глупая баба, баранья голова, старая кочерыжка! И как это я ему поверила....

А рядом за другой дверью разорялся Шмальц:

— Идиот! Болван! Шляпа! Это я. Это я идиот, болван и шляпа! И зачем это я записался в его партию...

Весь дом гудел от ругани. Шульцу казалось, что не только дом, но вся улица, весь этот старый германский город сотрясаются от взрывных волн тяжеловесных слов.

Лёжа в постели, Шульц решил ещё раз облегчиться, и, как молитву на сон грядущий, он, сложа руки на груди, бормотал:

— Я сволочь, вандал, вор, грабитель, холера мне в бок!..

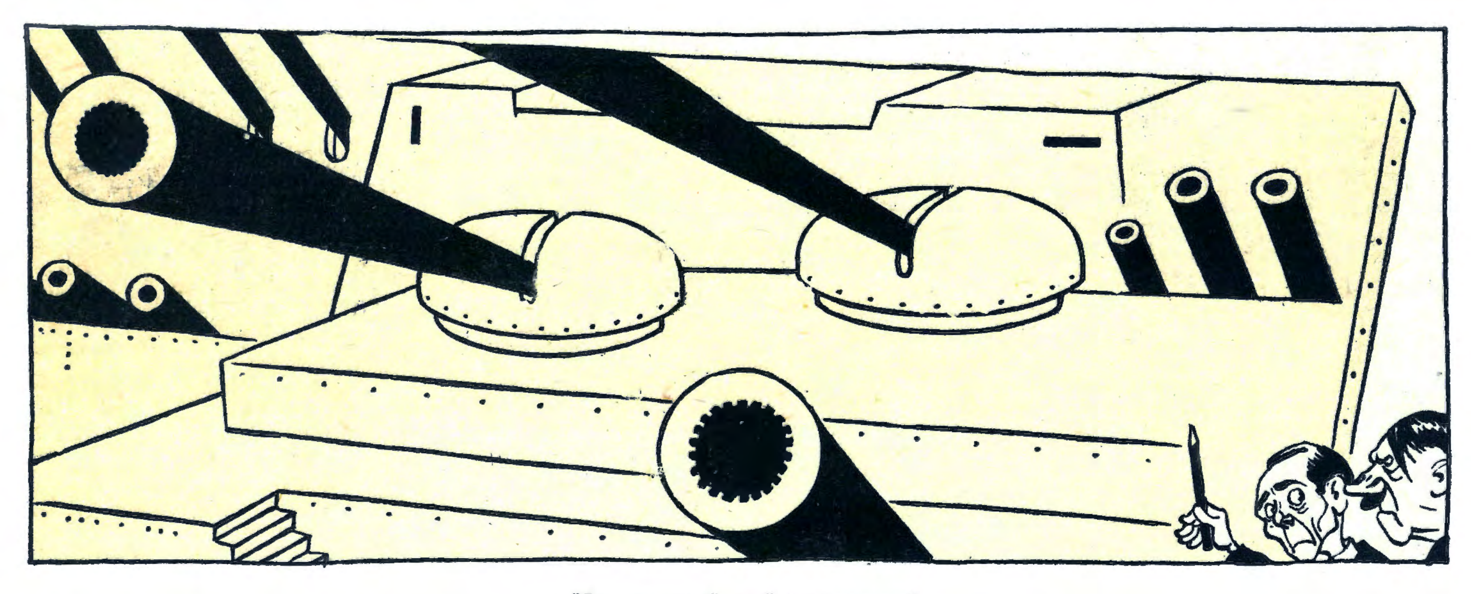
И уже засыпая, подумал:

«А ведь у фюрера на душе... хе-хе... тоже кошки скребут. Интересно бы послушать, как он там облегчается?»

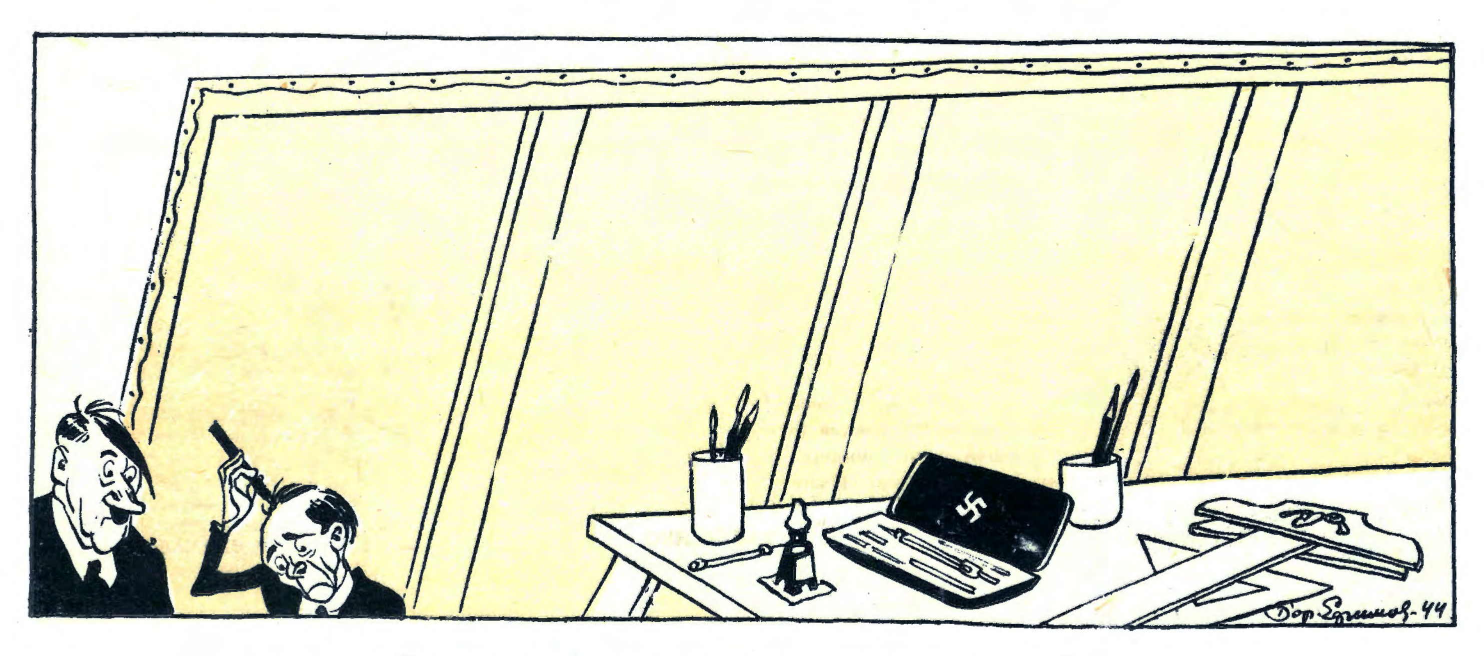
Г. РЫКЛИН

ВАЛнующий момент

Рис. Бор. Ефимова

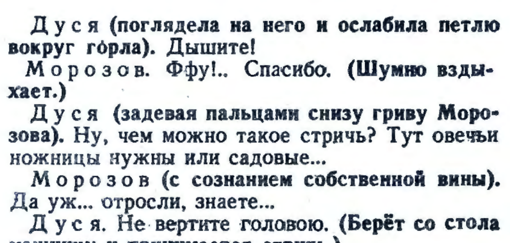
— Ну, европейский вал готов!..

...Только как убедить противника, что он существует?

Дусина ошибка

(Сценка)

Уголок парикмахерской военторга, где-то при штабе армии: огороженный плащ-палатками уголок в деревенском доме, столик, покрытый марлей, обломок зеркала и нехитрый асортимент фронтовой косметики и парфюмерии да парикмахерские инструменты на столе. Перед столом стул с прикреплённой к нему подушкой для головы клиента.

Парикмахерша Дуся, вольнонаёмная, лет 19 от роду, в гимнастёрке бойца, подметает вокруг своего рабочего места. Она громко говорит, обращаясь, очевидно, к подруге своей, находящейся рядом, за занавесом плащ-палатки.

Дуся. Ой, ну, кажется, всё. Больше никто не придёт ни стричься, ни бриться. Сейчас я себе локоны наверну и — на первомайский вечер. Ой, как интересно, Валя! А потом, я тебе ещё скажу по секрету: в торжественной части будет этот, старший сержант Морозов, Алексей Васильевич, ну, знаешь, знаменитый разведчик. Факт! Ой, он такой интересный, этот Морозов, я, правда, его самого не видала ни разу, но я фото его видала в журнале. Ой, он на фото такой интересный! Прядь волос, знаешь, отсюда, усики такие маленькие и глаза!.. Ой, кажется, и сегодня мои кудри станут дыбом. А вдруг старший сержант Морозов посмотрит и скажет: «Я с такой индейкой танцовать не буду». Факт! Так и скажет! Ошпарить их, что ли, — локоны?.. Придётся ошпарить. Пойти кипятку согреть...

(Дуся уходит. Входит старший сержант Морозов. Он небритый и волосы лежат чуть что не на плечах.)

Морозов. Ну вот... Никого нет... Неужели я в таком виде останусь на торжественный вечер?.. А мне начштаба прямо так и сказал: «Старший сержант Морозов, приказываю вам быть на вечере!» Конечно, я сегодня только вернулся из разведки, из вражеского тыла. Могу и не очень франтом выглядеть. Но побриться надо... **(Пощупал лицо и голову.)** Ой, и стричься — обязательно!.. Срам, честное слово, срам! Скажут: «Старший сержант Морозов выглядит, как бродяга какой...»

(Входит Дуся, оглядывая в зеркало свои кудри.)

Дуся. Ой, чует моё сердце, встанут на дыбы проклятые... А если увидит старший сержант Морозов?..

Морозов. Товарищ, не вы парикмахер?

Дуся **(сурово)**. Ну, я парикмахер.

Морозов. Товарищ парикмахер, мне надо побриться. И постричься надо.

Дуся. Парикмахерская давно закрыта, товарищ.

Морозов. Да вы поглядите, как я оброс...

Дуся. Товарищ... не знаю, какое у вас звание?..

Морозов. Старший сержант.

Дуся. Товарищ старший сержант, я за целый день столько насмотрелась на таких, которые обросли... Давайте уйдём отсюда: парикмахерская закрыта.

Морозов. Да, но мне надо на вечер сегодня...

Дуся. Всем надо на вечер. Ну, ладно, садитесь!.. Нет нам покоя! Люди пойдут на вечер концерт слушать, доклад, танцы, а тут всю ночь коси эти космы... Факт!..

Морозов **(садясь на стул перед столиком)**. Меня как-нибудь... Я и сам на вечер собираюсь...

Дуся **(свирепо)**. Старший сержант, во-первых, скиньте шинель, у вас, во-первых, грива за воротник шинели ушла, аж на спину.

Морозов **(покорно снимая шинель)**. Я ведь в тылу у противника был... Теперь можно сесть?

Дуся. Садитесь... **(Резко подвигает стул вместе с севшим на него Морозовым к столу.)** Ближе. Голову выше! **(Накрывает его простынёю).**

Морозов **(хриплым голосом)**. Что-то уж очень туго завязали...

Дуся. Товарищ, я не могу работать, если вы будете вертеться.

Морозов **(совсем задушенным голосом)**. Стригите, стригите, я тихо...

Дуся **(поглядела на него и ослабила петлю вокруг горла)**. Дышите!

Морозов. Ффу!.. Спасибо. **(Шумно вздыхает.)**

Дуся **(задевая пальцами снизу гриву Морозова)**. Ну, чем можно такое стричь? Тут овечьи ножницы нужны или садовые...

Морозов **(с сознанием собственной вины)**. Да уж... отросли, знаете...

Дуся. Не вертите головою. **(Берёт со стола машинку и принимается стричь.)**

Морозов. Ой!.. Ой!.. Ой-ой!.. Что она у вас так щиплет? Она, может, неисправная?

Дуся. Конечно, неисправная.

Морозов. Так зачем же вы ею?.. Ой-ой-ой!..

Дуся. Не вертите головою!.. А зачем же я буду вас стричь исправной машинкою, когда исправная на вашей голове сразу станет неисправной?..

Морозов. Ой!.. Ой-ой-ой!.. Ой!.. Ой!.. Отпустите душу на покаяние!

Дуся. А ещё старший сержант... Что же вы будете делать, если, например, ранят вас и доктор будет операцию делать?

Морозов. Ой!.. Я четыре раза был ранен... Ой-ой!.. Разве доктора с вами сравнить? Он резанёт раз и отпустит, а вы... ваша эта сенокосилка, она клочьями рвёт... Ой!.. Скажите, долго вы ещё?

Дуся. Машинка кончила. **(Кладёт машинку, берёт огромные ножницы.)**

Морозов **(с ужасом провожает взглядом ножницы, для чего оглядывается назад: теперь видно, что Морозов пострижен)**. Вы и этим меня будете, да?

Дуся. А то кого же? А ну, голову на место! **(Резким движением руки поворачивает голову Морозова и пошла лязгать ножницами.)**

Морозов. Товарищ, а вы того... не слишком это коротко?

Дуся. Не коротко. Самый раз. Не вертите.

Морозов. Стойте!.. Я эту прядь ношу длинной.

Дуся. А теперь будет короткой. Не вертите.

Морозов. Но я уже привык к ней... Я всё время...

Дуся. Я тоже привыкла в это время уже не работать.

Морозов. Зеркало у вас есть?.. Ага!.. Вы меня прямо обкарнали.

Дуся. Ничего не обкарнала. Вырастет. **(Отходит от Морозова, теперь видно, что действительно подстрижен основательно.)**

Морозов. Ну, всё равно... Не знаете, нельзя на вечере быть в фуражке?

Дуся. Не знаю. **(Пытается вытащить из-под Морозова стул.)** Вставайте.

Морозов. Как — вставайте?! А бриться?

Дуся **(угрожающе)**. Как? Вы бриться хотите?!

Морозов. А вы про меня думаете, я так и хожу с бородою?

Дуся. Я про вас вообще не думаю. **(Сердито взбивает мыльную пену для бритья.)**

Морозов. Мне, знаете, генерал велел побриться.

Дуся. Не вертитесь. **(Мылит ему лицо.)**

Морозов. Ой, глаза, глаза!..

Дуся. Что глаза?

Морозов. Мыло глаза ест!

Дуся. На то оно мыло. **(Мылит.)**

Морозов **(выковыряв изо рта пальцем мыло)**. Ну, что вы делаете? В рот мыла напустили...

Дуся. Надо рот закрывать. Откиньте голову. **(Бреет.)** Не беспокоит?

Морозов. Ммм... нет...

Дуся. Странно. А теперь?

Морозов. Теперь беспокоит!..

Дуся. То-то!

Морозов. Да! Я забыл вам сказать: я ношу усы, вы их не сбривайте.

Дуся. Оставим что-нибудь... **(Смягчённым голосом.)** Вот у нас в армии усы ещё носит тоже старший сержант Морозов, разведчик. Вы его знаете?

Морозов. Немного знаю. А что?

Дуся. Ничего. Уж Морозов — не вам чета Такой из себя интересный, ладный, одет очень чисто.

Морозов. А вы почём знаете?

Дуся. Да уж знаю. Я, правда, с ним незнакома, но карточку его в журнале видела. Ой, до чего интересный! А что вы смеётесь? Я вас на куски могу изрезать при таком смехе. Факт!

Морозов. Я ничего. Только я думаю, что если даже ваш Морозов пробудет в тылу у врага недели, да если...

Дуся. Во-первых, он не мой. А во-вторых... **(Замолчала, глядит в зеркало.)**

Морозов. Что, во-вторых?

Дуся **(отошла на два шага и глядит теперь в лицо Морозову)**. Ой!.. Кажется, да...

Морозов. Что да?

Дуся. Вы Морозов?

Морозов. Видите ли...

Дуся. Глаза те же самые и усы те же... У Морозова только прядь... Ой, я же эту прядь сама срезала! Ой, я теперь помру от стыда.

Морозов. А я, значит, так и останусь недобритым?

Дуся. Факт! Я теперь до вас подойти не могу.

Морозов. Нет, вы уж, пожалуйста, добрейте меня.

Дуся. Ну ладно. Сперва добрею, а потом...

Морозов. Потом мы, может, пойдём вместе на вечер? Вы танцуете?

Дуся. Танцую. **(Ласково.)** Вы разрешите чуть-чуть против волоса?..

Морозов. Скоблите, чего там... Вас как зовут?

Дуся. Дуся. Я Дуся. А вы, я знаю, Алексей. Я в журнале прочитала. Не беспокоит?

Морозов. Беспокоит.

Дуся. Ой, что вы!.. **(Пробует пальцем бритву.)**

Морозов. Меня беспокоит вопрос: пойдёте вы со мною на вечер или нет?

Дуся. Вам, наверное, со мною неинтересно будет идти?

Морозов. Почему?

Дуся. У меня, знаете, локоны совершенно не ложатся. Я боюсь, опять они поднимутся и станут колом.

Морозов. Ничего. Я и сам почти лысый сегодня.

Дуся. Ой, мне так совестно... Что ж вы мне раньше не сказали, что вы именно старший сержант Морозов?.. А что, очень страшно в тылу у немцев?

Морозов. Опасно, а не страшно.

Дуся. А я когда работала в полку, то один раз на наши тылы выскочили ихние автоматчики. Так я сперва начала стрелять из автомата, а когда немцев уже прогнали, то я так испугалась, так испугалась...

Морозов. А я вот боюсь, что напутаю сегодня в танцах. Сперва, значит, два шага вперёд, потом — вбок, а потом?

Дуся. Потом опять вбок. Ничего, я вас поведу. Я даже приз до войны имела за танцы.

(Ушли оба. Слышен их смех. Занавес медленно закрывается.)

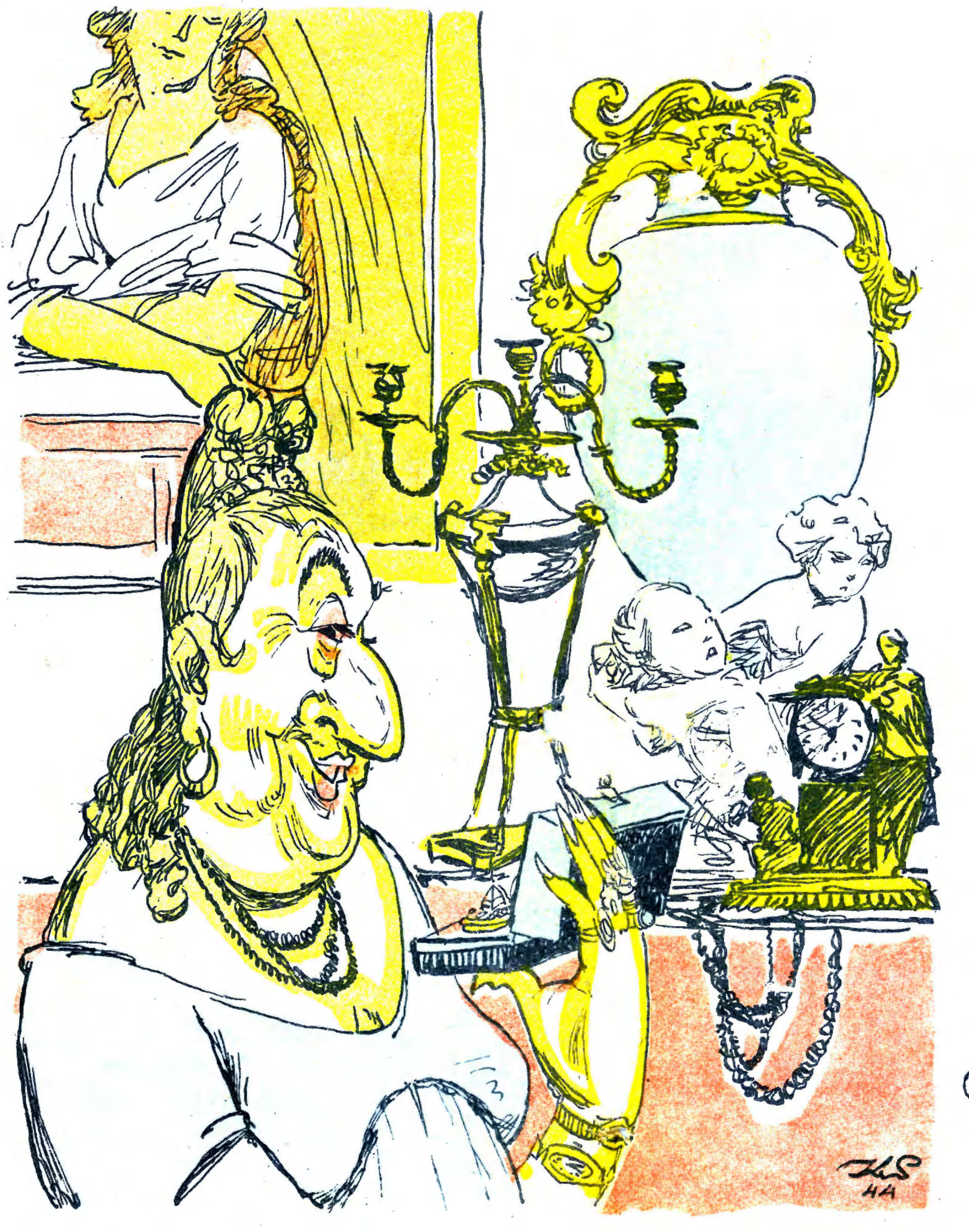
В. АРДОВ.

Действующая армия.

В РУМЫНСКОЙ «МАЛИНЕ»

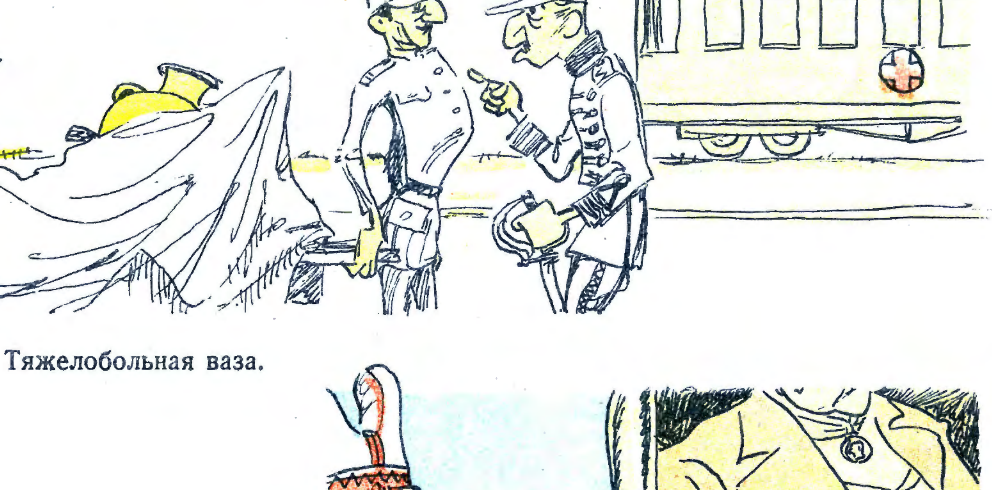
В секретном «Наставлении» румынского генштаба предлагается вывозить награбленные в России художественные ценности в ящиках от боеприпасов, вырезать картины бритвами, а особо редкие вещи перевозить в санитарных поездах.

Рис. К. Елисеева

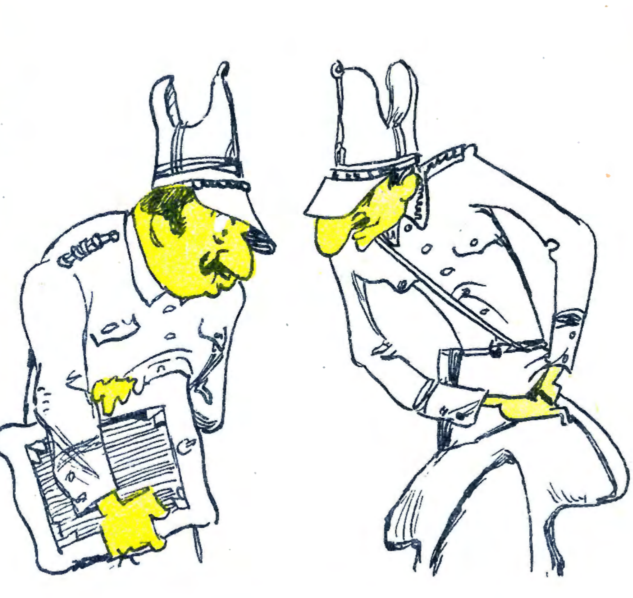

Мадам Антонеску недурно обставила свою квартиру боеприпасами.

Тяжелобольная ваза.

— А я увлекаюсь только миниатюрами: с ними легче бежать.

— Как прикажете: вырезать всю картину или только часы?

Бронзовая кровать

НОВЕЛЛА, ОСНОВАННАЯ НА СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ

ТАК как народный суд 1-го участка города Горловки (Донбасс) излагает обстоятельства дела о бронзовой кровати с похвальной сухостью и скупостью, мы вынуждены дополнить их собственным воображением. Оно уводит нас за Урал, в один из сибирских городков, и показывает героев бронзовой кровати в углу скромной хибарки в одну из зимних ночей 1941 года. Им не спится. Они тихо беседуют.

— Нам теперь тяжело,—говорит гражданин Шашацкий, — сон не идёт на глаза, все мысли там, в родном нашем городе. Вот лежу я на паршивом, скрипучем топчане, клопы кусают, а я, поверьте, охотно спал бы на полу, и пусть ели бы меня скорпионы, лишь бы снова жить и работать в Донбассе, лишь бы увидеть его свободным от немцев. Знаю, что так будет, что вернёмся мы с вами в родные места и все свои силы, все без остатка помыслы отдадим восстановлению Донбасса. Так ведь, друг Сигалов?

— Ещё бы не так, — отвечает Сигалов. — Вы готовы спать дома на полу, а я уже и сейчас сплю на полу. Ваш топчан кажется мне верхом комфорта... Но что мне комфорт! Плевать я хотел на комфорт...До войны у меня была приличная обстановка, сколачивал я её трудами из году в год. Кровать была... Я вам скажу, мой друг, до революции губернаторы спали на такой кровати. Немцы, наверно, всё уничтожили или в Германию вывезли. Мне не жаль. Лишь бы вернуться в освобождённый Донбасс.

— Да, скорее бы дожить до этого счастливого часа, — говорит Шашацкий, ворочаясь на топчане. — Вот удивительно, до чего мелкими, ничтожными кажутся теперь все прежние мысли о личном уюте, о всяком этом домашнем барахле. Самому смешно: неужели это я не мог прожить без мягкого кресла? Дайте мне теперь колченогий стул и кухонный стол, но только в родном Донбассе. Работать бы только!

— Только работать!

Не скоро сказка сказывается. Скорее дело разгрома немцев делается. Красная Армия освобождает Донбасс. Не помня себя от счастья, Шашацкий возвращается в родные места и возглавляет некое производственное учреждение. А ещё через несколько времени возвращается Сигалов. Друзья встречаются в квартире Шашацкого.

— Помните, Сигалов, как мы мечтали об этом часе там, в эвакуации, — говорит Шашацкий,— помните мой топчан... Хе-хе-хе! Я на полу готов был спать. Ну, дела не обстоят так скверно. Вот получил обстановочку: кресла мягкие, кровать какая! Не кровать, а прямо ковчег. Губернаторы на такой кровати спали.

Сигалов смотрит, и глаза его вдруг становятся круглыми.

— Моя, — говорит он, — моя...

— Что ваша?

— Кровать моя, английская, бронзовая, с шишечками.

Шашацкий говорит с внезапной сухостью в голосе:

— Ну, знаете, может быть, и была ваша.

— Нет, знаете, я не для того сколачивал трудами обстановку, кровать вот эту, бронзовую, чтобы вы на ней, как губернатор, дрыхнули.

— Кровать моя!

— Нет, кровать моя!

— Моя кр-р-ровать! Это вор-р-р-ровство!

— Моя! Вы мелкий собственник с гнусными инстинктами!

— А вы акула в местном масштабе!

Прервём сухими справками картину, нарисованную художественным воображением:

1. Решение Сталинского областного финансового отдела: «...впредь до представления гр. Сигаловым документов, подтверждающих права собственности на кровать..: отменить продажу кровати гр. Шашацкому».

2. Решение народного суда города Горловки: «Признать право собственности за гр. Сигаловым... на английскую двухспальную бронзовую кровать...»

Конечно, на этом дело о бронзовой кровати не заканчивается. Бронзовая кровать шествует по областным инстанциям. Она дойдёт до Москвы, потому что Шашацкий лежит на этой кровати, обхватил её руками и ногами, и обычными судебными средствами стащить его с чужой кровати нельзя. Вокруг бронзовой кровати вот уже сколько времени хлопочет великое множество людей. Тут исполнители решений и толкователи решений. Тут лица сочувствующие, содействующие и противодействующие.

В некое производственное учреждение приходят люди:

— Можно видеть гр. Шашацкого?

— Нельзя видеть гр. Шашацкого. Он в суде ябеду пишет.

В другое учреждение в Донбассе приходят люди:

— Можно видеть гр. Сигалова?

— Нельзя видеть гр. Сигалова. Он в суде контрябеду пишет.

Среди энергичных, хлопотливых людей, отдающих все свои помыслы великой работе восстановления Донбасса, ходят и эти два «героя» бронзовой кровати. Они тоже энергично дерутся—за кровать! Они все свои помыслы отдают одному — бронзовой кровати!

А между тем кровать-то двуспальная, два матраца на ней, чётное число шишечек на ней. Ну, и улеглись бы рядышком на бронзовой кровати. Поделили бы шишечки пополам... И, отдав днём все свои помыслы только работе, одной лишь работе на благо Донбасса, ночью засыпали бы рядышком со спокойной совестью, а перед сном мирно вспоминали бы о том, как два года назад в далёком городке за Уралом они спали на топчане, на полу и готовы были мириться со всеми и всякими лишениями, — лишь бы полностью, всеми без остатка помыслами участвовать в великой работе восстановления Донбасса.

Нет, невозможна такая идиллия. До нас всё ещё доносится рычание из Донбасса, и мы видим Шашацкого в воинственной позе. Обхватив руками и ногами чужую бронзовую кровать, он кричит:

— Жизни не пожалею, а кровати не отдам!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

ПУГАНЫЙ НЕМЕЦ

Рис. Г. Валька

— Ходят слухи, что...

— Тсс!.. Пусть ходят, а я не хочу сидеть.

ТОЧНЫЕ ПРОПОРЦИИ

Рис. Б. Клинча.

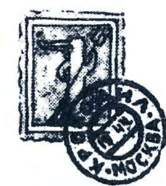
Геббельс назначен президентом Берлина.

— Какой у нас теперь маленький президент Берлина.

— А Берлин теперь разве большой?

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Уважаемый Крокодил!

Наш завод получил недавно из Актюбинска телеграмму, в которой сообщалось, что весовая часть тележек, изготовленных нами, не работает. А потому заказчик телеграфировал: «Прошу срочно выслать представителя наладки весовой части, которые мастерски исполнили несколько музыкально-вокальных номеров. Лучшие исполнители премированы».

Из этой телеграммы я ничего не понял. Но одно для меня было ясно, что наряду с исполнителями музыкально-вокальных номеров обязательно следует премировать и работников телеграфа за этакую словесную эквилибристику.

В. БАЗАРОВ,
директор энского завода

●

Дорогой Крокодил!

Описанный Гоголем помещик Плюшкин, как известно, собирал всякую дрянь: старую подошву, ржавые гвозди, черепки, верёвочки. Что стало с этой рухлядью после смерти Плюшкина? К сожалению, Н. В. Гоголь на этот вопрос не дал ответа, и только недавно мы совершенно случайно узнали, какая судьба постигла плюшкинское барахло.

Оказывается, весь этот мусор попал на Ереванскую табачную фабрику, которая поспешила об этом событии сообщить своим потребителям и притом в довольно оригинальной форме. Ереванская фабрика выпускает табак «Мартуни» и «Кафан». И вот вместе с крошкой табачного листа к потребителю попадают и гвозди, и верёвочки, и солома, и щепки, и скорлупа.

Одно только меня беспокоит, что будет делать бедная фабрика, когда иссякнут запасы плюшкинского добра,— ведь этак можно разориться.

У. КАРАЕВ

с. Хумалаг, Сев. Осетия.

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

У здания Пугачёвского горсовета (Саратовской области) огромная непросыхающая лужа.

Рис. И. Семёнова

Сколько это безобразие будет продолжаться?

— Не волнуйтесь, недолго! Горсовет решил переехать в другое здание.

Взыскательный художник

Начало концерта было весьма многообещающим:

— Сейчас выступит лауреат лондонского фестиваля, исполнитель роли Махно в фильме «Красные дьяволята» Николай Кустинский.

Зал замер. Не так уж часто на скромных подмостках воинского клуба в Казани появляются лондонские лауреаты.

Мужчина средних лет в табачном костюме выбежал на сцену. Выступление началось.

В публике недоумение.

— Что это он там шепелявит, товарищ лейтенант?.. Ничего разобрать нельзя...

— По-английски, вероятно...

— Слова как будто русские... М-да... Странные вкусы заграницей... А плюётся здорово... Смотрите: девятый ряд, а достаёт... Ловко...

— Техника...

— А теперь танцует... честное слово, танцует...

И, действительно, лондонский лауреат из фильма «Красные дьяволята» лихо отбивал чечётку, так, что столбы пыли смерчем проходили по сцене. Затем он пел, и голос его скрипел, как ржавые петли на воротах давно заброшенного амбара.

Но главное было впереди. Главное происходило не на сцене, а за кулисами. Вернее, в кабинете начальника клуба, где артист Кустинский с пеной у рта доказывал, что две пары дамских туфель да ещё за наличный расчёт — это не вознаграждение для взыскательного художника.

— Две пары туфель за такой шефский концерт!.. Побойтесь бога, товарищ капитан!.. Ведь я и пел, и разговаривал, и танцовал... Чтобы меня одного заменить, вам нужно приглашать Козловского, Хенкина и даже Лепешинскую...

— Но мы же вам дали ещё и цыгейковый жилет,— слабо отбивался капитан.

— Цыгейковый жилет!.. Цыгейка!.. Разве это мех для взыскательного художника?.. В Лондоне меня соболями забрасывали... Только во имя шефства я и иду на уступки; дайте ещё цыгейковую шапку и два кило масла...

— Одно кило...

— Два!..

— Одно...

Остап Бендер и «30 сыновей лейтенанта Шмидта» бледнеют перед Николаем Кустинским. Опустошительные набеги на клубы, горторготделы и воинские части стяжали этому артисту своеобразную, но громкую славу.

А ведь слава задела его своим ласковым крылом совсем недавно.

До войны Кустинский прозябал в маклерах по устройству халтурных концертов. Потом был директором зверинца в городе Фрунзе. Там у него вышло недоразумение с одним берберийским львом. Этот лев утверждал, что львиная доля поступающих в зверинец продуктов попадает в пасть Кустинского, а не львов.

Но это, так сказать, давно минувший этап творческой биографии художника.

Сейчас Кустинский — артист первой категории и руководитель концертной бригады ВГКО. Для пущего эффекта он обычно рекомендуется лауреатом какого-то липового лондонского фестиваля или исполнителем никогда не исполнявшихся им ролей, а однажды даже ухитрился выдать себя за певицу Юровскую.

Произошло это в Иванове. Туда приехала на два концерта известная исполнительница романсов Е. Н. Юровская. Наш лауреат подвизался в одном из местных кино. И вот он явился прямо к заведующему горторготделом и, не моргнув глазом, отрекомендовался:

— Я Юровская...

Заведующий чуть не лишился языка. Потом с ужасом посмотрел на развалившегося перед ним мужчину:

— Вы Юров...ская?

— Да...

— Ека...терина Ни...колаевна?

— Почти... Я её художественный руководитель... И автор песен. И композитор... В общем нам нужна тысяча папирос и 10 пачек табаку...

— За... зачем?..

— Курить... Вы, должно быть, не в курсе физиологических потребностей работников искусств?.. Знаете, сколько выкуривал покойный Сумбатов-Южин?

— Н... нет...

— То-то ж... Ну, ладно, не будем торговаться, давайте шестьсот папирос «Казбек» и шесть пачек табаку...

И получил!

Первый опыт, так сказать, монографии Кустинского принадлежит перу директора ивановской филармонии.

«Товарищ Преображенский, — писал он, адресуясь к начальнику ВГКО, — просим Вас дать распоряжение о расследовании невероятного в нашей действительности поступка жулика, проходимца, так называемого артиста Кустинского, направленного ВГКО для работы в кино «Центральном»...

Когда ивановская монография попала в Москву, участники бригады Кустинского очень удивились:

— Почему они так окрысились?.. Подумаешь, эка невидаль!.. Ради «левой» халтуры сорвал концерт на заводе, получившем знамя Государственного Комитета Обороны...

— Сколько он таких концертов срывал!..

— Или уволок у зазевавшегося хозяйственника девять литров водки...

— Пусть скажет спасибо, что не двадцать... Кустинский один раз по справке о прививке оспы ящик коньяка получил...

Кто-то из присутствующих при разговоре заинтересовался:

— А что за странное звание у вашего бригадира?.. Лауреат лондонского фестиваля... Кто ему присвоил?..

— Сам себе присвоил.

— То есть как это сам?

Кругом заулыбались.

— Вы, должно быть, не знаете Кустинского?.. Если бы он только звание присваивал!.. А то всё, что липнет к рукам... А руки у него — магнит... К ним липнут и деньги, получаемые за концерты, и продукты, отпускаемые бригаде, и даже сдача с железнодорожных билетов.

— Почему же вы молчите?

— Мы не молчим... Мы вопим... Только дверь кабинета начальника ВГКО Преображенского обита очень толстым слоем войлока...

— И этот войлок не пропускает никакие звуки?

— Этот войлок пропускает только звуки, которые хочет... А хочет он пропускать только звуки голоса Кустинского...

Может быть, в тот момент, когда пишутся эти строки, на подмостки какого-нибудь клуба уже выбегает человек в табачном костюме и представляется:

— Сейчас выступит дважды лауреат лондонского фестиваля, исполнитель роли Анны Карениной в спектакле Художественного театра «Царь Фёдор Иоаннович» Николай Кустинский.

И зал замирает.

Евг. БЕРМОНТ

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) „Правда".

Москва. Изд. № 300. Подписано к печати 30/V 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А5171. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул «Правды», 24. Заказ № 1269. Тираж 100.000 экз.

ПОДМОСКОВНАЯ ЛИРИКА

Рис. М. Черемных

— Вот прекрасный пейзаж,— сказал художник,— сегодня набросаю эскиз, а в следующее воскресенье приеду — закончу картину.

Картина в следующее воскресенье.